

РИСУНКИ ЛЬВА ТОЛСТОГО

I
У Льва Толстого нет такого множества рисунков, как у Пушкина. Он всю жизнь был убежден, что рисовать не умеет. Однако же и на полях его черновики имеются наброски портретов, зарисовки с натуры, чертежи, геометрические фигуры, а то и сатирические рисунки. Более того, Толстому принадлежат выразительные карандашные портреты его жены и дочери, а позднее — и серия рисунков, созданных не мимоходом, а с определенной — и очень важной — целью. Наконец, Толстой не раз набрасывал (как, например, к своей «Азбуке») десятки

рисунков, которые должны были служить наставлением для художников.

II
Кавказские повести и рассказы Толстого не удостоились при его жизни внимания иллюстраторов. Ни к «Набегу», ни к «Рубке леса», ни к «Казакам» иллюстраций создано не было. Но, как бы предвидя это, молодой Толстой, будучи на Кавказе, сам набросал ряд рисунков, в которых запечатлел увиденные там типы и сцены. Впоследствии, через многие десятилетия, некоторые художники (например Е. Е. Лансере) опирались на эти на-

Рисунки Л. ТОЛСТОГО к роману Жюль Верна «Вокруг света в 80 дней».

броски, иллюстрируя повести «Казаки» и «Хаджи-Мурат».

Мне уже приходилось писать, что рисунки Толстого нуждаются в серьезном изучении и истолковании (см. «Курьер ЮНЕСКО», № 8, 1957). К примеру, перед нами могучая фигура старика. Его гордо поставленная голова, взгляд, полный человеческого достоинства, свидетельствуют о том, что он знает себе цену. Этот человек ни перед кем не согнется. Кто он? По-видимому, простой казак, житель одной из русских станиц на Северном Кавказе. Таких людей молодой Толстой встречал много — именно они заселили впоследствии превосходную повесть «Казаки».

A вот другая голова старика. Она тоже чем-то привлекала внимание писателя. Но чем? Вспомним в «Казаках» живописную фигуру дяди Ерощки. Это был огромного роста казак с седою, как лунь, бородой, с лохматыми бровями и орлиным взором. Вольный сын степей, он олицетворял собою суровую и мужественную красоту жителей предгорий Кавказа. Трудно утверждать, что на рисунке именно дядя Ерощка. Возможно, здесь запечатлен другой из тогдашних друзей писателя. Но то, что этот старик чем-то напоминает героев толстовской повести, не подлежит сомнению.

Особенное наше внимание привлекает голова горца. Это, несомненно, воинственный житель аулов. Гордая осанка, твердый и решительный взгляд вдаль устремленных глаз — не таким ли представлялся в воображении писателя легендарный Хаджи-Мурат? В этой повести, написанной на закате жизни, Толстой воспел мужество, гордость и негибнущую волю свободного человека. Повесть выразила ненависть писателя к войне, его призыв к миру и дружбе между народами.

Серия кавказских рисунков Толстого этим не исчерпывается. В музее писателя сохранились и другие его портретные зарисовки кавказской поры, не поддающиеся пока расшифровке. Кто эти люди? Где их увидел Толстой? Не вошли ли они персонажами в его кавказские рассказы? Ответа на эти вопросы пока нет.

III

Во Французский роман Жюль Верна «Вокруг света в 80 дней» выходит с иллюстрациями... Льва Толстого. Пятнадцать рисунков великого писателя сопровождают наиболее интересные главы романа. Набросанные простым пером, яркие, выразительные, ве-

Фигура старика.

Голова старика.

Горец.

селье, эти рисунки радуют французских детей.

Происхождение этой серии таково. Толстой любил Жюль Верна. Он ценил его за пылкий ум, за выдумку, за мастерство интриги. В долгие зимние ясные вечера он вслух читал своим маленьким детям книги Жюль Верна. Чтобы эпизоды романов ярче и зримее запечатлелись в сознании юных слушателей, он рисовал к ним незамысловатые и смешные рисунки.

О том, как создавались эти необычные иллюстрации, живо рассказывает в своих воспоминаниях сын Толстого Илья Львович в книге «Мои воспомина-

ния»: «Каждый день он приготавливал к вечеру подходящие рисунки пером, и они были настолько интересны, что нравились нам гораздо больше, чем те иллюстрации, которые были в остальных книгах... Мы с нетерпением ждали вечера и все кучей лезли к нему через круглый стол, когда, дойдя до места, которое он иллюстрировал, он прерывал чтение и вытаскивал из-под книги свою картинку».

Напомним, что в это время Толстой писал «Анну Каренину». И все же — для удовольствия детей — он находил время, чтобы читать им Жюль Верна и собственноручно иллюстрировать его.

IV

О серии рисунков Толстого к «Азбуке». История этой серии такова.

Неудовлетворенный существующими книгами для детей, особенно казенными букварями, Толстой в конце 1860-х годов задумал новую, веселую «Азбуку», по которой, как он мечтал, будут учиться грамоте все русские дети. Каждую букву азбуки он сопроводил живым рисунком, на котором изображены люди, звери или предметы, знакомые ребенку. Например, к бук-

ве «Г» он нарисовал девочек, нашедших грибы, к букве «Д» — человека, рубящего дерево, к букве «З» — зайца, удирающего от собаки, и т. д. Рисунки должны были облегчить ученику усвоение необходимой буквы, а затем и слога, и целого слова. Так писатель приблизил книжную грамоту к живой действительности и сделал ее усвоение легким, доступным и веселым.

Стремление выразить мысль не только в слове, но и в рисунке характеризовало Толстого на протяжении всей его жизни. Исследователям «Войны и мира» хорошо известны, например, его карандашные наброски Бородинского поля, которые он сделал, посетив его в период работы над романом. Позже Толстой многократно в своих дневниках и письмах прибегал к рисункам или чертежам, чтобы нагляднее выразить свою мысль.

Конечно, Толстой не был рисовальщиком. Его гениальная сила заключалась в словесной живописи. И все же нам очень дороги эти пусть несовершенные, но выразительные рисунки великого русского писателя.

Александр ШИФМАН,
доктор
филологических наук

Димитр ВОЗАКОВ
(БОЛГАРИЯ)

Осенью 1940-го...

БЫЛА поздняя осень 1940 года. Мягкая, теплая, но тревожная осень. Над Европой горел пожар войны. Фашистские завоеватели топтали границы все новых государств. Буржуазные правители этих государств не могли да и не хотели воевать против оккупантов. Они больше боялись собственного народа, чем захватчиков. И только Советский Союз последовательно выступал в защиту мира.

В те дни Советское правительство обратилось и к правительству Болгарии с предложением о дружбе и взаимопомощи. Профашистское болгарское правительство попало в двусмысленное положение: принять предложение оно и не думало, но и отказать от него открыто тоже не смело. Всякий отказ разоблачил бы его перед народом. И правительство решило скрыть от народа как сделанные ему предложения, так и свое отношение к ним.

Трудящиеся Болгарии узнали истину из передач Московского радио. По городам и селам развернулась широкая кампания в пользу советского предложения о заключении пакта в защиту мира. В нее включились лучшие агитаторы партии и рабочего мо-

лодежного союза (РМС). И начались преследования сторонников предложения СССР.

В эти напряженные осенние дни я был в Софии. Молодой студент, лишенный всяких средств к существованию, я перебивался случайной работой и спал в чужой квартире. Но личные тревоги волновали меня меньше, чем вопросы «большой политики», а потому и стихи, которые я тогда писал, были далеки от «чистой» лирики. Тогда же за несколько дней и ночей я написал небольшую поэму, озаглавленную «Толстой».

Туманным вечером под бледным светом уличных фонарей я прочитал написанное моему другу. Хороша поэма или нет, думаю, но звучит она актуально.

Вскоре я вернулся в родной город Ямбол. Как раз тогда городское болгаро-советское дружество (общество) подготовило торжественный вечер, посвященный Л. Н. Толстому. Меня попросили помочь в организации вечера, найти подходящий материал для программы, а также принять в ней участие. Для себя я подобрал несколько отрывков из рассказа Толстого «Божеское и человеческое» и еще стихотворение «Толстой» из сборника «Тревожная планета» поэта Младена Исаева.

С нетерпением и трепетом ожидал я торжественного вечера. В тогдашней обстановке вся деятельность по подготовке вечера в честь Л. Н. Толстого по необходимости превратилась в часть большой разьяснительной кампании в пользу советского предложения.

...В большом зале городской библиотеки «Согласие» никогда не собиралось так много людей. Были здесь и агенты полиции, но они не смели ничего предпринять. Они знали, что вечер разрешен властями.

Стоя за кулисами на сцене, я слушал, но не слышал доклад учителя мужской гимназии Андрея Андреева о жизни и деятельности великого русского писателя и мыслителя: меня охватило волнение.

В то время я, девятнадцатилетний парень, слыл хорошим чтецом. Люди в зале встретили меня радушно, как знакомого. Сначала я прочел отрывки из рассказа «Божеское и человеческое». Подобрал я немного страниц и читал их не по порядку, так что получилось что-то наподобие монтажа. В рассказе главный герой, осужденный на смерть за революционную деятельность, за время тюремного заключения меняется и перед самой смертью принимает рели-

гию как спасение. Но в подобранных мною отрывках он был показан только как непоколебимый борец против тирании.

Пусть простят меня за эту «нелояльность» к рассказу...

Ведущий программу снова вышел на сцену и объявил:

— А сейчас вы услышите стихи о Толстом.

Я начал декламировать. Только это было не стихотворение Младена Исаева из книги, которую я держал в руках. Я стал читать отрывок из своей поэмы, потому что некоторые места в ней, как я думал, больше соответствовали тому напряженному времени. Там были строки о России времен Толстого, о революции 1917 года, а заканчивался отрывок такими словами:

«Москва строит. Москва цветет, товарищи. Москва развевает знамя мира. Толстой, улыбаясь, смотрит с портрета. Куда ни взглянешь, везде так светло. И сходит удивленный старец в поля... Могучей силой дышит эта ширь. Здесь человек человеку — брат. Здесь человек готов к подвигу, трудовому и ратному».

Еще раз напомним: мне было всего девятнадцать лет. Я вовсе не считал те стихи примером высокой поэзии. Но когда я

кончил декламировать, весь зал загремел от аплодисментов. Я чувствовал, как горят мои уши. А за кулисами меня уже поджидал Черный, начальник тайной полиции города.

— Что это за коммунистическая агитация? — закричал он. — Какая тут агитация, читал я то, что окружной начальник разрешил читать! Вот вам подпись, вот вам печать!

Он схватил книги Толстого и Младена Исаева, нервно стал рассматривать их — действительно, и подпись есть, и печать. Он и не догадывался прочесть хотя бы несколько строчек из стихотворения Младена Исаева, чтобы обнаружить, что я декламировал совсем другие стихи. Не знаю, что бы произошло, если бы полицейский понял, что я совершил такую подмену...

Это произошло поздней осенью 1940 года. В дни тридцатилетия со дня смерти Л. Н. Толстого. В дни памятной для всех болгар кампании за соглашение о мире с СССР. В дни, когда в другом конце Болгарии поэт-коммунист Никола Вапцаров читал перед рабочими:

Поскольку нету масла с давних пор и горше горя хлеб наш, черств и сер, — то лозунг наш один: — Долой террор! — Союз с СССР!

СОФИЯ